

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.6>

Косяшников Сергей Анатольевич

[Вклад иногороднего населения в развитие сельского хозяйства региона Верхней Кубани \(вторая половина XIX - начало XX века\)](#)

Цель исследования заключается в выявлении роли иногороднего населения Верхней Кубани в сельскохозяйственном производстве региона во второй половине XIX - начале XX в. В статье проанализирован вклад иногородних в развитие различных отраслей земледелия и скотоводства, определена степень их влияния на аграрную культуру местных горцев и казаков. Научная новизна работы состоит в систематизации полиэтничного состава данной категории населения и доказательстве наличия у нее самостоятельных хозяйственных навыков. Полученные результаты показали, что иногородние, составляя специфическую прослойку населения региона, внесли значительный вклад в его сельскохозяйственное развитие, став зачинателями ряда новых передовых направлений в аграрном секторе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/6.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 34-38. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7.
10. РГВИА. Ф. 846 (Ф. ВУА). Оп. 1.
11. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1.
12. Урушадзе А. Т. «Сомнительная покорность»: проблема мирных горцев в политике Российской империи на Северном Кавказе (1840-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 124-132.
13. Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В университетской типографии на Страстном бульваре, 1885. 448 с.
14. Юров А. 1844 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа, 1883. Т. 7. С. 157-382.

A. I. Neidhardt's Measures to Spread the Russian Influence in the North-Caucasian Region in 1842-1844

German Roman Eduardovich, *PhD*
Stavropol State Pedagogical Institute
romger@mail.ru

The paper examines motives to introduce and implement political measures to spread the Russian influence in the Caucasus region at the beginning of the 1840s. The author considers views of the Russian authorities on the Caucasian problem and General A. I. Neidhardt's measures to implement the government's policy. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher suggests a systemic approach to analysing political measures, proposes to differentiate social and political aspects of the investigated problem. The conclusion is made that with A. I. Neidhardt, Russia developed and approved the Caucasian strategy, the implementation of which resulted in the end of the Caucasian war.

Key words and phrases: Caucasian war; General A. I. Neidhardt; Russian power; North Caucasus; The Russian Empire; political measures.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.6>

Дата поступления рукописи: 23.05.2020

Цель исследования заключается в выявлении роли иногороднего населения Верхней Кубани в сельскохозяйственном производстве региона во второй половине XIX – начале XX в. В статье проанализирован вклад иногородних в развитие различных отраслей земледелия и скотоводства, определена степень их влияния на аграрную культуру местных горцев и казаков. *Научная новизна* работы состоит в систематизации полиэтнического состава данной категории населения и доказательстве наличия у нее самостоятельных хозяйственных навыков. *Полученные результаты* показали, что иногородние, составляя специфическую прослойку населения региона, внесли значительный вклад в его сельскохозяйственное развитие, став зачинателями ряда новых передовых направлений в аграрном секторе.

Ключевые слова и фразы: Баталпащинский уезд; иногороднее население; скотоводство; земледелие; бортничество; виноделие; табаководство; аграрные новации.

Косяшников Сергей Анатольевич

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
kavkaz7777@mail.ru

Вклад иногороднего населения в развитие сельского хозяйства региона Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX века)

Начиная со второй половины XIX в. на территории современной Карачаево-Черкесии (Верхняя Кубань, Баталпащинский отдел) происходит процесс расселения славянского и другого «иногородческого» (в основе своей христианского) населения. В среде славян выделялись две группы – казаки и так называемые иногородние. Кроме того, образовывавшиеся во второй половине XIX в. в регионе Верхней Кубани поселения греков, осетин, горских евреев, армян и других также относились по своему статусу к иногородним. При этом новаторский вклад данной категории населения в аграрный сектор экономики Карачаево-Черкесии, исследованный в данной статье, представляет определенный интерес для современной агрономии, что и составляет *актуальность* предложенной работы.

Для достижения цели статьи автором поставлены следующие *задачи*: рассмотреть вклад иногороднего населения в развитие скотоводства; определить новации, привнесенные иногородними в хозяйственную жизнь Баталпащинского отдела (уезда); оценить его роль в земледелии и в подсобных отраслях хозяйства региона. Среди *методов*, применявшихся в данном исследовании, необходимо отметить историко-статистический, который дал возможность выявить и обосновать тенденции развития региона, и историко-генетический, позволивший осветить социальный генезис прослойки иногородних. В работе также использовались методы диахронного и синхронного сравнения. Первый из них раскрывает черты, отличающие один этап истории иногороднего

населения от другого, второй – дал возможность уяснить и обозначить различия в формировании, статусе иногородних и других категорий населения региона. *Теоретическую базу* исследования составили труды отечественных историков по этнической и социально-экономической истории. В частности, прослойка иногородних как отдельной социальной группы населения выделялась применительно к региону Верхней Кубани в работах дореволюционного периода. Среди них можно отметить Л. М. Мельникова [8], Л. В. Македонова [6], В. Шамрай [22], А. М. Шершенко [24] и др. В советское время чаще выходили обобщающие работы, посвященные развитию сельского хозяйства интересующей нас территории. Это, например, работы В. П. Невской [9], Очерки истории Карачаево-Черкесии [14] и др. В постсоветский период вновь проявился интерес к вкладу различных социальных групп и этнических меньшинств в экономическое развитие края. Это получило свое отражение в трудах П. П. Матющенко [7], Т. А. Шебзуховой [23], О. В. Юраковой [26] и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в конкретной научно-практической деятельности, при разработке проблем социально-экономического развития края и взаимодействия народов Карачаево-Черкесии, в краеведческой работе, при издании справочных материалов по региональной истории и т.д.

В описываемое время, в отличие от остальной части Кубанской области, в Баталпашинском отделе (уезде) продолжало доминировать скотоводство. Доля иногородних в животноводческом секторе Верхней Кубани в конце XIX века в целом была пропорциональна их доле в демографической структуре. В 1890 году иногородние (25% от населения) владели более 26% из общего поголовья скота отдела (1167,5 тыс.). В то же время проявлялись диспропорции в структуре поголовья. Так, например, иногороднему крестьянству принадлежало: лошадей – 14,7%, рабочего скота – 11,3%, гулевого скота – 11,8%, свиней – 3,5%, буйволов – 4%, овец простых – 13,4%, овец тонкорунных – 87,9% (184,6 тыс. голов) [5, с. 142-143]. Последние цифры позволяют говорить о том, что почти 9/10 поголовья тонкорунного овцеводства в регионе находилось в руках иногородних. Большая часть специалистов в этой отрасли представляли собой выходцев из Крыма – тавричан. Приведенные данные также отражают их инновационную роль в животноводстве всего Юга России.

Вместе с тем к началу XX в. тонкорунное овцеводство как на Кубани, так и других частях Северного Кавказа вступило в полосу затяжного кризиса. Он был детерминирован переходом легкой промышленности страны на использование более дешевой, причем мытой импортной шерсти. За 1896-1906 гг. поголовье тонкорунных овец на Северном Кавказе сократилось в 2,5 раза; а за второе пятилетие (1906-1910) – более чем в 3 раза (в целом за первое пятилетие XX в. импорт шерсти превысил экспорт почти в 2 раза). Данный процесс обуславливался, по мнению исследователей, низким уровнем конкурентоспособности отечественной отрасли промышленной переработки продукции овцеводства (слабость системы шерстомойных предприятий, отсутствие холодильников для мяса, дороговизна транспортировки и т.п.) [19, с. 182-183, 187-188].

Несмотря на кризисные явления в этой отрасли в упомянутый период, она оставалась приоритетной для хозяйства иногороднего населения. По данным на 1908 г., общая структура поголовья в регионе Верхней Кубани выглядела следующим образом (см. Таблицу 1) [12]:

Таблица 1. Структура и количество скота у иногородних Баталпашинского отдела

	Всего	У иногородних		Доля иногородних
		С оседлостью	Без оседлости	
Лошадей	86088	31569	1941	38,9%
КРС				
рабочий	73190	6069	625	9,1%
гулевой	197080	49289	1845	25,9%
Овец простых	291253	67376	2472	24,0%
тонкорунных	226288	95385	17827	50,0%
Свиней	32960	11311	1291	38,2%
Коз	44810	1280	142	12,0%

Нетрудно заметить, что в собственности иногородних, составлявших около 36% от численности населения отдела, по-прежнему находилась половина поголовья тонкорунного овцеводства Верхней Кубани. Это позволяет обозначить приоритетное направление скотоводческой деятельности иногороднего населения того времени. Причем имеющиеся сведения о широком распространении тонкорунных, «шпанских» овец в ряде станиц нагорной полосы (Кардоникской, Сторожевой и др.) не должны вводить в заблуждение, так как, по данным современников, большинство их принадлежало не казакам, а проживавшим в этих населенных пунктах иногородним [6, с. 106].

Кроме того, можно отметить существенный рост поголовья лошадей (с почти 15% до 39%) у иногороднего населения с 1890 по 1908 гг., что, на наш взгляд, следует связывать с неуклонным развитием земледелия в крестьянской среде.

Развитие этнокультурных связей обусловило влияние хозяйственных традиций и навыков русских и украинских крестьян на животноводческий уклад местного населения. Оно, например, проявилось в качественном изменении породности горского скота. Важную роль в селекции сыграли животноводческие магнаты из числа иногородних – А. С. Николенко, А. Ф. Макеев, В. Т. Мазаев и др. Например, скотопромышленник Ч. Тоторкулов из аула Хурзук, путем метисации местного карачаевского скота с лучшими образцами породной группы «макай» (так горцы называли крупный рогатый скот, разводимый в хозяйстве Макеевых) вывел группу «конгур кыашхала»; Т. Бостанов держал улучшенный породный скот из хозяйства Николенко и т.д. [20, с. 24-25].

Практиковалась также метисация лошадей. Местная порода скрещивалась с лошадьми русских иногородних аграрных магнатов – тех же Николенко, а также Я. Пеховского, Я. Карпушина [21, с. 71]. Отметим, что все они (как и Мазаевы) были выходцами из Крыма и именовались «таврричанами». Так, например, еще в Крыму крестьянину Егору Карпушину удалось создать крепкое хозяйство. Позднее его семья переехала на Северный Кавказ, где разбогатела на овцеводстве. Дело отца продолжили сын Яков, внук Наум и правнуки (Никифор и Андрей). У клана Карпушиных имелись усадьбы в Пятигорске и Георгиевске, 47 тыс. голов овец, табуны лошадей, стада коров [18].

Правда, развитие скотоводства в Баталпашинском отделе у всех населявших его этносоциальных групп сдерживалось неразвитостью путей сообщения, слабостью региональной ветеринарии (следствием чего, в частности, были частые эпизоотии), отсутствием учебного заведения, занимающегося профессиональной подготовкой ветеринаров и других специалистов аграрной отрасли, ограниченным доступом местного населения в профессиональные училища на территории других отделов, областей и губерний. Для иногородних также актуальной проблемой оставалось то, что значительная часть земель для скотоводческих и земледельческих нужд бралась ими в аренду.

Тем не менее иногороднее влияние сыграло существенную роль в животноводческих инновациях горского населения не только в сфере селекции. Так, вслед за иногородними горцы переходили от табунного коневодства к заводскому; занялись тонкорунным овцеводством, получившим развитие преимущественно в степной зоне региона (в ногайских аулах – Мансуровский, Тохтамышевский и др.); переняли у славянских специалистов практику ведения пчеловодческого хозяйства в ульях [14, с. 438-445].

При этом к концу XIX в. в сфере пчеловодства Баталпашинский отдел занимал первое место в Кубанской области, обладая наибольшим количеством ульев. В 1898 г. здесь было добыто 13,1 тыс. пудов меда, из которых на неказачье население пришлось около 42% [3, с. 360-370]. В конце первого десятилетия XX в. Баталпашинский отдел официально входил в число трех лучших пчеловодческих регионов Кубани. В 1909 г. здесь имелось 948 пасек (самое большое число ульев на Кубани – свыше 82 тыс.); было добыто наибольшее среди отделов количество меда (около 29,6 тыс. пудов) на сумму свыше 134,1 тыс. руб. [13, с. 105].

В исследуемый период в рассматриваемом регионе также наблюдается быстрый рост в сфере земледелия, что в немалой степени было связано с его включением в состав России. Основная масса целинных земель плоскостных территорий Верхней Кубани до русской колонизации практически не разрабатывалась. Их широкое освоение стало предприниматься после окончания Кавказской войны, в особенности – в последней четверти XIX века. Технологически оно достигалось глубокой вспашкой, а технически – посредством тяжелого плуга, как правило, фабричного выпуска. Каждый такой плуг требовал наличия нескольких пар быков, что в то время было роскошью не только для иногороднего, но и большинства других социальных и этнических групп Северного Кавказа. По словам современника, чтобы «по-настоящему... исправно пахать плугом, нужно иметь 6 пар волов, а то и 8» [10, с. 24]. Лишь зажиточная часть крестьянских семей могла приобрести как необходимое поголовье рабочего скота, так и железные заводские плуги, в том числе «букари» (так называли немецкий плуг «Буккер») [Там же, с. 32]. По данным того времени, на Кубани, например, сноповязалка стоила 335 руб., жнейка – 160 руб., сенокосилка – 125 руб., конные грабли – 55 руб., что отражает тему ценовой доступности сельхозтехники для широких земледельческих масс [25, с. 30].

В таких условиях для вспашки крестьяне Верхней Кубани кооперировались, создавали сезонные артели (товарищества) – супряги, как правило, объединяясь со своим тягловым скотом вокруг владельца тяжелого плуга, с которым рассчитывались отработочной рентой (обработка земли, уборка урожая и т.п.) [14, с. 443]. Кроме того, супряги организовывались маломощными земледельцами для приобретения и пользования различных сельскохозяйственных машин – паровых молотилок (ценой до 1000 руб. в начале XX в.), косилок, фабричных борон и т.п. [10, с. 24]. Как отмечали исследователи, для Кубани того времени был характерен «особый вид предпринимателя – владельца сельскохозяйственных орудий и машин» [Там же, с. 196], который ездил по поселениям и сдавал технику в аренду. Рассчитывались с ним иногда деньгами, чаще – натурой (за молотилку – каждый 10-й, 15-й или 20-й сноп; за веялку – 15-ю или 20-ю меру) [Там же]. Таким образом, сложившаяся ситуация не только оказывала влияние на темпы развития земледелия, но и способствовала распространению в регионе коллективных форм хозяйствования, кооперации и т.д. Под влиянием иногородних такие формы хозяйствования стали все больше практиковаться и у других этносоциальных групп. Так, в равнинных горских поселениях из хозяев, имевших рабочих быков, также создавались артели по совместной обработке земли, причем довольно крупные (например, в каждой артели – по 50-60 пар быков и не менее 10 плугов) [9, с. 204].

В 1870-е гг. крестьянами Баталпашинского отдела засеивались не только зерновые (пшеница, рожь, овес, ячмень, гречиха, просо, кукуруза), но и картофель, который приобрел популярность практически у всех народов региона [15, с. 50-53]. Правда, как признавали тогдашние власти, в начале XX в. домашнее огородничество на Кубани находилось «на довольно низкой степени развития», так как велось «без особого знания». На 1909 год, засевая под огородные культуры наибольшие среди отделов Кубани площади (15 тыс. дес.), Баталпашинский отдел занимал предпоследнее место по их урожайности (сам 3,6) [13, с. 99-100]. Под русским влиянием в горском полеводстве появились новые зерновые культуры (например, гречиха), сельскохозяйственные орудия труда фабричного производства – косы и серпы, сеялки, веялки, сенокосилки, конные грабли, жатвенные машины, конные молотилки, усовершенствованные плуги, металлические бороны и т.д. [14, с. 438-445].

Иногороднее «инородческое» население в лице греков дало во второй половине XIX в. новый импульс развитию в регионе табаководства. В некоторых дореволюционных публикациях отмечалось, что «турецко-поданные греки» вообще дали начало этой полеводческой отрасли на Кубани в 1860-х годах [24, с. 28]. Это утверждение справедливо лишь отчасти. Есть немало свидетельств о распространении ещё в XVIII в.

табака у народов Кубани – абазин, черкесов, ногайцев [1, с. 107]. И. Ф. Бларамберг, собиравший материалы в 1830-е гг., писал, что карачаевцы тоже выращивали табак, который «у них разных сортов и очень ценится», причем «они его продают ногайцам, сванам и кабардинцам» [2, с. 311]. Таким образом, данная отрасль возникла на Кубани достаточно давно, однако носила вспомогательный характер и лишь с 1860-х годов, после Кавказской войны, получила новый импульс к развитию благодаря понтийским грекам. Они выращивали табак, «возделываемый в горах и продаваемый особым скупщикам» [4, с. 38]. Греческие переселенцы на Северо-Западном Кавказе получали хороший доход от реализации продукции табаководства, приобретая на рынке все необходимое. Поэтому они в целом могли обходиться без развитого скотоводства, довольствуясь дойными коровами для семейных нужд, и масштабного огородничества. Греки, как отмечают исследователи, хлебопашество вели в ограниченном масштабе, используя в качестве основной категории тягловых животных волов (в меньшей степени – лошадей) [26, с. 20].

В 1898 г. в Баталпашинском отделе имелась 21 табачная плантация, причем все они принадлежали иногородним [3, с. 363]. Десять лет спустя больших изменений в этой отрасли не произошло. По данным на 1909 г., в отделе имелось 27 плантаций, на которых собиралось 3242 пудов табаку [13, с. 101].

В среде иногороднего населения в регионе Верхней Кубани также получило развитие садоводство. В соответствии с имперским законом от 21.04.1869 г., иногородним с оседлостью предоставлялось право разведения и право покупки плодовых садов и лесных рощ на территории пользующихся угодий, находящихся в войсковой собственности (ст. 9-я) [11]. Однако широкое распространение арендных отношений в этой сфере негативно влияло на садоводство. Данному обстоятельству в свое время дал, на наш взгляд, вполне исчерпывающее объяснение А. И. Шершенко (1906 г.). Напоминая о долговременности окупаемости затрат на разведение садов (15-20 лет), исследователь указывал на то, что 12-летний срок аренды встречается довольно редко. Дело в том, что, с одной стороны, имел место быстрый рост арендных тарифов (в 2 раза за первое пятилетие XX века), из-за чего владельцы предпочитали сдавать свои земельные участки на более короткие сроки. С другой стороны, и арендаторы, «не будучи уверены в спокойном пользовании арендуемой землей», стремились не связывать себя долгосрочными обязательствами [24, с. 57-58].

Тем не менее к концу первого десятилетия XX в. Баталпашинский отдел занимал третье место на Кубани по урожаю фруктов (почти 86 тыс. пудов) и первое – по объему сбыта (54,7 тыс. пудов) и денежной выручке от их продажи (48 тыс. руб.) [13, с. 99-100]. Отметим, что два садовых питомника, имевшихся до революции на территории современной Карачаево-Черкесской Республики – частный (промышленника Утякова) и общественный (при Сентинском женском монастыре), – принадлежали иногородней категории населения [14, с. 444].

Существенный вклад внесли иногородние и в становление виноградарства в Баталпашинском отделе. Как свидетельствуют данные за 1898 г., общий урожай винограда в регионе составил чуть более 14 тыс. пудов, при этом только 1,45 тыс. было собрано на войсковой (то есть казачьей) земле. Таким образом, доминирование в этой отрасли принадлежало иногородним. Правда, как отмечалось современниками, большинство виноградников Кубани в ту пору было представлено «преимущественно плохими столовыми сортами винограда, не находящего себе сбыта на рынках и потребляемого самим населением» [3, с. 365-366]. Но следует отметить разнообразие разводимых в рассматриваемом регионе культурных сортов винограда. В начале XX в. в Баталпашинском отделе упоминаются сорта бордо, галанка, гутедель, дишкварс, лафит, мускат, пухляковский, рислинг, сальфан, траминер, шалфит и др. [16, с. 3]. К началу 1902 г. из всех площадей виноградников отдела (170,5 дес.) основная масса тогда находилась в его северной, равнинной части; в предгорьях фиксировалась в станице Усть-Джегутинской (0,25 дес.) [17, с. 2].

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие авторские **выводы**. Иногороднее население, представленное в Баталпашинском отделе Кубанской области как славянским элементом, так и «иногородским» (греками, армянами, эстонцами и др.), внесло существенный вклад в экономическое развитие региона. Ему удалось найти и занять свою нишу в системе регионального хозяйства. Бесспорен вклад иногородних в становление и развитие местного тонкорунного овцеводства, в поднятие продуктивности различных пород скота путем его метисации и т.д. В земледельческом секторе они заняли доминирующее положение в сфере табаководства и виноградарства. Также существенным был их вклад в развитие пчеловодства. Именно в среде иногороднего населения получили наибольшее распространение коллективные формы организации труда в земледелии. Кроме того, иногородние оказали определенное влияние на хозяйство местных казаков и горцев: под их влиянием распространялись новые сельскохозяйственные культуры, происходило улучшение пород скота, получили применение новые практики организации труда и т.д. Все это позволяет по-новому взглянуть на социально-экономическую историю Карачаево-Черкесии во второй половине XIX – начале XX в., которая до сих пор, как правило, традиционно представляется в виде двухсоставного горско-казачьего социума, без учета специфической группы иногородних, составлявших около трети от всего местного населения.

Разумеется, данными выводами и положениями рассматриваемая тема не исчерпывается. Ее дальнейшее исследование может быть продолжено в процессе изучения вклада представителей иногороднего населения в общественную, правовую и культурную жизнь народов Верхней Кубани.

Список источников

1. **Аталиков В. М.** Наша старина (обзор литературы XIII-XVIII вв., содержащей сведения о народах Северного Кавказа). Нальчик: Эльбрус, 1996. 286 с.
2. **Бларамберг И. Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 407 с.

3. Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год // Кубанский календарь на 1900 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1900. Отд. 2. С. 308-395.
4. Короленко П. П. Турецкие эмигранты в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1905. Т. 11. С. 35-40.
5. Кубанская справочная книжка на 1891 год / сост. Е. Д. Фелицин. Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, 1891. 501 с.
6. Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж: Типо-Лит. «Г-ва Н. Кравцов и К^о», 1908. 248 с.
7. Матющенко П. П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 23-26.
8. Мельников Л. М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1900. Т. 6. С. 73-140.
9. Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1959. Вып. VIII. Серия историческая. С. 84-207.
10. Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Ставрополь: ТОО «Кинт», 1994. 164 с.
11. О поземельном устройстве станиц и войсковых запасных землях // Кубанская справочная книжка на 1891 год. Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, 1891. Отд. II. С. 271-276.
12. О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета начальника области и наказного атамана Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910. Т. 1. С. 1-178.
13. Обзор Кубанской области: по поручению наказного атамана Кубанского казачьего войска ген.-лейт. Бабыча / под ред. И. И. Кияшко. Екатеринодар: Тип. «Рекорд», 1911. 215 с.
14. Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2-х т. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 600 с.
15. Памятная книжка Кубанской области на 1878 г. / сост. Е. Д. Фелицин. Екатеринодар: Типогр. Кубанского обл. правления, 1878. 177 с.
16. Поночевный М. О. Виноградарство в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1902. 9 января. № 7.
17. Поночевный М. О. Виноградарство в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1902. 10 января. № 8.
18. Старинная открытка и новые подробности от потомка Н. Карпушина [Электронный ресурс]. URL: <https://obrazok.livejournal.com/29663.html> (дата обращения: 02.03.2017).
19. Хуранов Ш. Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск: КЧНИИ, 1983. Вып. 2. С. 177-190.
20. Шаманов И. М. Животноводство в Карачае. Черкесск: КЧГТА, 2003. 38 с.
21. Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1972. № 5. С. 70-76.
22. Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1901. Т. 7. С. 71-175.
23. Шебзухова Т. А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России: 60-е гг. XIX – начало XX в.: опыт системного анализа: автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2002. 50 с.
24. Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Кубанская область. Статистический очерк. Вып. I // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь: Типография наследников Берк, 1906. Т. 1. С. 1-138.
25. Щербина Ф. А. Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. СПб.: Правление общества Владикавказской ж. д., 1893. Т. 2. 81 с.
26. Юракова О. В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.): автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2010. 26 с.

Contribution of Non-Resident Population to Agricultural Development of the Upper Kuban Region (the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century)

Kosjashnikov Sergei Anatol'evich

*Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachaevsk
kavkaz777@mail.ru*

The paper aims to identify the role of the non-resident population of the Upper Kuban region in the regional agricultural industry in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The article analyses contribution of the non-resident population to development of agriculture and cattle-breeding, identifies the level of the non-residents' influence on agrarian culture of the local mountaineers and the Cossacks. Scientific originality of the study lies in the fact that the author identifies ethnic structure of this population category and proves that the non-residents possessed self-sufficient economic skills. The findings indicate that the non-residents that constituted a specific stratum of the regional population contributed significantly to the region's agricultural development establishing new innovative trends in the agrarian sector.

Key words and phrases: Batalpashinsky district; non-resident population; cattle-breeding; agriculture; apiculture; wine-making; tobacco-growing; agrarian innovations.